

А.А. Чехов

БЕЛО-
ЛОБЫЙ

Художник
Л. Кузнецов

Голодная волчица встала, чтобы идти на охоту. Её волчата крепко спали. Она облизала их и пошла.

Она была уже не молода, и чутьё у неё ослабело. Случалось, лисий след она принимала за собачий и, обманутая чутьём, сбивалась с дороги.

В верстах четырёх от её логовища, у почтовой дороги, стояло зимовье. Тут жил сторож Игнат. При нём находилась собака неизвестной породы, по имени Арапка.

Изба Игната, его сарай, хлев и колодец были окружены высокими сугробами. Было тихо, Арапка спала под сараем.

Волчиха взобралась на хлев и стала разгребать соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, и волчиха едва не провалилась; на неё вдруг пахнуло тёплым запахом навоза и овечьего молока.

Прыгнув в дыру, волчиха упала на что-то мягкое и тёплое, должно быть, на барана, и в это время в хлеву вдруг завизжало и залаяло, овцы шарахнулись к стене.

**Волчиха, испугавшись, схватила, что первое попало в зу-
бы, и бросилась вон... А в это время Арапка, почуявшая
волка, неистово выла, кудахтали в зимовье растревожен-
ные куры,**

и Игнат, выйдя на крыльцо, кричал: «Полный ход!»—и свистел, как паровоз. Должно быть, раньше он служил в механиках.

Когда всё затихло, волчиха успокоилась и стала замечать, что её добыча тяжелее и твёрже, чем бывают в эту пору ягнята. Она положила свою ношу на снег и вдруг с отвращением отвернулась.

Это был не ягнёнок, а щенок, чёрный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы, с таким же белым пятном во весь лоб, как у Арапки.

Щенок облизал свою помятую, раненую спину и как ни в чём не бывало замахал хвостом и залаял на волчицу.

Она зарычала, как собака, и побежала от него. Он за ней.

Она оглянулась и щёлкнула зубами. Он остановился в недоумении и, вероятно, решив, что она играет с ним, залился звонким радостным лаем.

Уже светало, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчётливо каждую осинку,

и уже просыпались тетерева, обеспокоенные неосторожными прыжками и лаем щенка.

Жила она с волчатами в неглубокой яме. Волчата уже проснулись и стояли рядом и, глядя на возвратившуюся мать, помахивали хвостами.

Увидев их, щенок остановился поодаль и долго смотрел на них. Заметив, что они тоже внимательно смотрят на него, он стал лаять на них сердито, как на чужих.

Уже рассвело. Волчата сосали свою мать, пихая её лапами в тощий живот, а её мучил голод, голова разболелась от собачьего лая, и хотелось ей броситься на щенка и разорвать его.

Наконец щенок утомился и охрип. Видя, что его не боятся, он стал несмело, то приседая, то подскакивая, подходить к волчатам.

Лоб у него был большой, а выражение всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя к волчатам, он протянул вперёд широкие лапы, положил на них морду и начал: «Мня, мня... ига-ига!»

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенок ударил одного волчонка лапой по большой голове.

Волчонок тоже ударил его лапой по голове.

Щенок встал к нему боком и посмотрел на него искоса, помахивая хвостом,

потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту.

Волчата погнались за ним. Он упал на спину, и они напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, а в шутку. Стало шумно и весело.

Вороны сидели на высокой сосне и смотрели сверху на их борьбу и очень беспокоились.

Наигравшись, волчата пошли в яму и легли спать.

Щенок повыл немного с голоду, потом также растянулся на солнышке.

А проснувшись, опять стали играть.

Весь день волчиха вспоминала, как блеял ягнёнок, как пахло в хлеву овечьим молоком, и щёлкала зубами. «Съём-ка я щенка»,—подумала она. А щенок лизнул её в морду и заскулил. И волчиха отошла прочь...

К ночи похолодело. Щенок соскучился и ушёл домой. 32

Когда волчата крепко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Она тревожилась малейшего шума, и её пугали пни и одиноко стоящие кусты можжевельника.

Она бежала в стороне от дороги. Вдруг впереди замелькало что-то тёмное. Это возвращался к себе домой щенок. «Как бы он опять мне не помешал»,—подумала волчиха и быстро побежала вперёд.

Она опять взобралась на хлев по сугробу. Вчерашняя дыра была уже заделана соломой.

Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, но едва пахнуло на неё тёплым паром и запахом навоза, как сзади слышался радостный и залихватый лай.

Это вернулся щенок. Он прыгнул к волчихе на крышу, 37

потом в дыру и, почувствовав себя дома, в тепле, узнав своих овец, залаял ещё громче. Арапка проснулась под сараем и, почуяв волка, завыла, закудахтали куры,

и, когда на крыльце показался Игнат со своей одноствол-
кой, перепуганная волчица была уже далеко от зимовья. 39

«Что там!»—спросил странник, ночевавший в эту ночь у Игната. «Ничего... Поводился наш Белолобый с овцами спать, в тепле... Только нет того понятия, чтобы в дверь, а норовит всё как бы в крышу».

Утром Игнат, подозвав к себе Белолобого, трепал его за уши и приговаривал: «Ходи в дверь, ходи в дверь».